

Глава 27. Преследование

Чжайсин облегченно выдохнул.

— Если дело только в этом, то вы слишком любезны, господин.

Он извлек из-за пазухи небольшой сверток и флакон, аккуратно расставив их на столе.

— Такова была воля Его Величества. Если вы сможете постоять за себя, это будет к лучшему. Что же касается магии... боюсь, во всей стране Чжаньхай лишь Святой Сын или сам Владыка способны снять печати. Но сейчас я не могу отвести вас к Его Величеству, прошу меня простить. Мой наставник перед разлукой подарил мне этот набор серебряных игл, а эти снадобья передал император. Ваши силы были утрачены не из-за разрыва меридианов, а из-за истощения. С помощью этих пилюль и иглоукалывания вы сможете в короткий срок восстановить часть своего мастерства.

Чэньша просиял от радости. Его нетерпение было почти осязаемым.

— Огромное спасибо! Давай скорее поедим, а потом сразу попробуем.

— Слушаюсь, — Чжайсин потянулся за палочками.

Чэньша вздохнул и жестом остановил его.

— Хорошо, что с этим разобрались, но есть еще кое-что. Чжайсин, давай установим правила.

Тот выпрямился, внимательно слушая. Чэньша принялся загибать пальцы:

— Во-первых, я благодарен тебе за возможность вернуть силу, чья бы это ни была задумка. В будущем я планирую как можно реже покидать эту гору, так что многие хлопоты лягут на твои плечи. Поэтому график тренировок и внешние дела — на тебе, но по дому помогать мне не смей, это моя забота. Во-вторых, мы теперь на одной стороне, так что забудь это официальное «ваш слуга». Звучит слишком отчужденно. В-третьих, если продолжишь любезничать, я рассержусь. А теперь — ешь.

Под пристальным взглядом Чэньша юноша неловко поправил себя:

— Я... я... понял. Хорошо.

Чэньша снова улыбнулся:

— Вот и славно. Попробуй, как я готовлю, а потом займемся иглами.

За неполный месяц физическая форма Чэньша благодаря ежедневным тренировкам и домашним хлопотам заметно улучшилась. В боевых искусствах он пока преуспел лишь в технике легкости, тогда как в ближнем бою успехи были скромнее. Причина была проста: прежние навыки Чэньша сводились к пугающе эффективным техникам убийства одним ударом. Сам содрогаясь от этих воспоминаний, он попросил Чжайсина обучить его чему-то новому.

Чжайсин признался, что в рукопашной схватке он мастер лишь второго эшелона, поэтому упор они сделали на метательное оружие. Когда к Чэньша начала возвращаться былая сноровка, обучение пошло семимильными шагами. Теперь он мог с тридцати шагов пробить лезвием «мэйхуа» подвешенное яблоко.

Узнав, что Чэньша хочет научиться верховой езде, Чжайсин привел из города смиренного черного коня. Последние дни Чэньша проводил в бесконечных разездах: уезжал верхом, а возвращался пешком, тренируя технику легкости наперегонки с конем. Горные тропы стали для него источником искреннего восторга.

Утро выдалось ясным, воздух был напоен ароматом цветущих деревьев. Чэньша рано приготовил завтрак, час упражнялся с кинжалами и отправился на прогулку. Чжайсин, верный своему долгу, следовал рядом. Его мастерство было столь велико, что пока Чэньша обливался потом, погоняя коня, юноша казался воплощением безмятежности, едва касаясь стопами земли.

Ветер, пропитанный запахами хвои, ласково трепал их одежды. Копыта коня выбивали дробь у берега ручья, чьи воды искрились под солнцем. Оказавшись у незнакомого склона, Чэньша оценил живописный вид и лихо соскочил с седла.

— Красота-то какая! Давай здесь пообедаем?

Осмотревшись, Чжайсин кивнул. Он помог снять припасы с седла и расстелил на траве плотную ткань. Чэньша, охваченный порывом, перемахнул через ручей и присел на большой валун у кромки воды, чтобы умыться.

В начале мая на севере от Города Чаоянь страны Чжаньхай, у Горы Молодого месяца, еще не было зноя, но после утренней скачки Чэньша вспотел. Прохлада воды была божественна. Он умылся, жадно отпил из пригоршни и вернулся обратно.

— Чжайсин, иди тоже освежись.

За месяц общения Чжайсин успел привыкнуть к живому нраву своего подопечного. Он лишь со смешком покачал головой:

— Мне не жарко.

— Но пить-то хочется?

Уступив, Чжайсин передал корзину с едой и подошел к воде.

Дорожная тряска не пощадила утренние блюда: аккуратно уложенная еда превратилась в кашу. Разложив рис по деревянным чашам, Чэньша дождался спутника. Вчера Чжайсину удалось поймать несколько рыбешек, которые Чэньша сегодня зажарил до золотистой корочки. Один только вид блестящей от масла рыбы заставлял рот наполняться слюной.

Заметив голодный взгляд Чэньша, Чжайсин усмехнулся и первым положил ему рыбу.

— Спасибо! — Чэньша немедленно отправил кусок в рот. — Остыла, конечно, но вкус отличный. В Чжаньхае рыба просто замечательная.

Они сидели в тени, неторопливо беседуя обо всем на свете. Прохлада деревьев, вкусная еда — Чжайсину, долгие годы проведенному в тени, трудно было поверить, что такая жизнь реальна.

С самого рождения его растили как теневого стража императорской семьи. С пеленок он знал лишь одно — преданность господину. Ему не полагалось знать родителей, не было даже имени, лишь позывной. Но за выдающиеся таланты в Чжаньхае к нему относились с уважением и даже позволили стать учеником Старейшины Уцзиня — Короля ядов.

Вопреки грозному прозвищу, Уцзинь не был злобным стариком. Благодаря дружбе с императорским домом он берег Чжайсина, избавляя его от лишних мук.

Когда его отправили шпионом в Цанъянь, он воспринял это с ледяным спокойствием. Чтобы доказать верность старому главе союза, он, не колеблясь, проглотил яд «Спутанный шелк». Так он стал одним из четырех великих стражей Цинь Фэна.

Цинь Фэн был неплохим господином, а жизнь во тьме была привычна. Год за годом он существовал там, куда не проникает свет, пока не навалилась смертельная усталость. Из его товарищей Лори и Ланьюэ всегда работали в паре, не нуждаясь в третьем. Сюкун же, хоть и часто ходил с ним на задания, оставался вечной глыбой льда, из которой не вытянешь и слова.

Они жили во тьме, видели кровь и предательства, их сердца давно превратились в камень. Чжайсин и представить не мог, что приказ его истинного господина — забрать юношу по имени Чэньша — так перевернет его душу.

Он не жалел, что пошел против воли главы союза Циня и украл флакон противоядия, выторговав себе тринадцать месяцев жизни. Если вся эта жизнь продлится лишь тринадцать месяцев... что ж, он хотя бы почувствовал себя живым.

— Еще рано, давай прогуляемся вон туда? — Чэньша убрал посуду в сумку и погладил коня по кличке Цанлянь.

— Хорошо. Полезно изучить окрестности на случай, если придется быстро уходить, — ответил Чжайсин в своей привычной манере стража. Он уже разведал эти земли: в радиусе нескольких миль не было ни души, лишь за холмом пряталась заброшенная деревня.

Чэньша первым пустил коня вперед. Чжайсин легко скользил следом, не отставая ни на шаг. Чэньша втайне восхищался его мастерством и давал себе слово тренироваться еще усерднее.

Поднявшись на гребень небольшого холма, Чэньша разочарованно окинул взглядом окрестности: лишь трава да низкорослые кустарники. Но, вспомнив совет Чжайсина, он решил спуститься с другой стороны.

Сделав пару шагов, Чэньша замер. Сквозь густые кроны деревьев мелькнул край соломенной крыши. Он приподнялся на цыпочках, но из-за роста так ничего и не разглядел. Тогда он похлопал коня по шее:

— Милый Цанлянь, выручай.

Вскочив на седло, он наконец увидел цель.

— Там, кажется, целая деревня...

— Идем, — Чжайсин взял поводья. — Оставим Цанляня здесь, так будет удобнее.

С помощью техники легкости они быстро достигли поселения, затерянного среди гор. В этом печальном месте было не больше десятка домов. Крыши давно провалились, от стен остались лишь жалкие обломки. Гнилые ворота валялись в пыли, а от заборов остались лишь покосившиеся колья.

Чэньша замер перед небольшим каменным столбом у въезда. Камень был изъеден ветрами и дождями, знаки почти стерлись. Чэньша присел и ладонью смахнул серую пыль.

Внезапно в его сознании вспыхнули обрывочные картины. Он побледнел, почувствовал невыносимую боль в голове, а сердце словно сжали раскаленные тиски.

Чжайсин, чей взгляд был прикован к руинам, не сразу заметил неладное. Лишь услышав звук

падения, он в ужасе увидел, что Чэньша скорчился на земле, содрогаясь всем телом.

— Господин!

Не успел он протянуть руку, как он почувствовал опасность. В мгновение ока между пальцев Чжайсина возник ряд стальных игл, которые он молнией метнул вперед. Раздалось четыре резких лязга — кинжал отбил все снаряды. Из-за обветшалой стены вышел Сюкун. Он опустил оружие и молча уставился на Чжайсина.

Чжайсин снова сжал оружие. Несмотря на страх за Чэньша, сейчас перед ним стоял самый опасный враг. Если он не одолеет Сюкуна, миссия провалена. Сюкун был лучшим ликвидатором четверки, мастером скрытных убийств, не знающим промаха.

Чэньша на земле свернулся в клубок. Чжайсин разрывался от неизвестности, но холодный взгляд Сюкуна парализовал его. Одно движение — и Сюкун сотрет цель с лица земли.

Они стояли друг против друга, разделенные десятком шагов. Чжайсин был напряжен до предела, Сюкун — бесстрастен. Ветер поднял пыль, застилая глаза, но Чжайсин чувствовал каждое движение противника: вот он перенес вес, вот шевельнул запястьем. Расстояние сокращалось.

Единственное, что он не мог разглядеть — это его взгляд.

«Там лишь холод и безразличие, — подумал Чжайсин. — Он смотрит на меня как на очередную добычу».

Шаг. Еще один. Сегодня Сюкун был странным: походка лишилась привычной легкости и твердости. Но это не имело значения. Чжайсин ждал момента, чтобы выпустить отравленные иглы. Ради спасения Чэньша он готов был на всё.

Еще шаг — и наступит идеальный момент для броска. Но Сюкун, словно прочитав его мысли, замер.

Ветер усилился, стремясь разорвать нити их прошлого, подталкивая к решающему удару. Сюкун медленно поднял левую руку ладонью вверх. Чжайсин, стиснув зубы, не выдержал и метнул иглу, смазанную ядом. Алая вспышка на одежде — попадание!

Внезапно Чжайсин понял: ветер не мог быть таким яростным сам по себе. Когда мастер элемента воздуха погружается в вечный сон, стихия вокруг него выходит из-под контроля. Буйство ветра означало лишь одно.

Сюкун заговорил своим обычным ровным голосом, чеканя каждое слово:

— Противоядие не изготовить. Здесь три пилюли. Забери. У тебя осталось пятнадцать месяцев. Ищи дальше.

Он замолчал на миг, и голос его упал до шепота:

— Если найдешь... не... возвращайся...

Черный флакон выскользнул из его ладони и покатился по земле.

Чжайсин, не помня себя, бросился вперед и подхватил падающего товарища. Дрожащими руками он извлек из своих запасов противоядие. Недавно Чэньша убедил его сменить смертельные яды на парализующие составы, чтобы иметь возможность допросить нападавших. Чэньша не хотел лишних смертей.

Сейчас эта милость казалась даром небес. Чжайсин слишком хорошо знал Сюкуна, чтобы понять его обрывистые фразы. Он сорвал маску с лица друга, но он так дрожал, что он не мог попасть в рот лекарством. В отчаянии он глотнул снадобье сам и влил его в рот Сюкуна через поцелуй. Но тщетно. Лицо Сюкуна оставалось мертвенно-бледным.

Заметив, что губы друга посинели, Чжайсин схватил упавший флакон. Один запах подтвердил худшие опасения — Сюкун был отравлен «Спутанным шелком», и яд уже добрался до самого сердца!

Обезумев, Чжайсин высыпал остатки пилюль себе в рот, разжевал их и снова приник к губам Сюкуна. Но тот был без сознания и не мог сглотнуть. Тогда Чжайсин схватил кинжал, всё еще зажатый в руке друга, полоснул себя по ладони и смешал лекарство со своей кровью. В третий раз он приник к губам Сюкуна.

Это был горький, соленый поцелуй. Оторвавшись, Чжайсин увидел на щеках друга влагу. Нет, Сюкун был в забытьи, это его собственные слезы капали на лицо товарища. Ветер понемногу стихал. Чжайсин коснулся холодного запястья и почувствовал слабый, но отчетливый толчок.

«Жив! Он еще жив!»

Этого было достаточно.

Внезапно Чжайсин почувствовал, как силы покидают его. Кинжал Сюкуна был смазан составом. К счастью, это был лишь мощный транквилизатор, а не привычный Сюкуну мгновенный яд. Чжайсин горько усмехнулся: они оба, будучи палачами, одновременно заменили смертоносную отраву на щадящие составы...

Из последних сил он подтащил к себе все еще не пришедшего в сознание Чэньша и обнял обоих, укрывая их своим телом. Тьма накрыла его тяжелым пологом.

Ветер улегся, пыль осела. Пока солнце прятало последние лучи, а на небе зажигались первые звезды, трое на заброшенной площади не двигались. Ночью Чэньша, преследуемый кошмарами, съежился еще сильнее, ища тепла у своих спутников. Он шевельнул губами и едва слышно прошептал в ночную тишину:

— Чэнь...

С этим словом на губах он наконец погрузился в спокойный сон.

<http://bllate.org/book/17524/1697179>